

УДК 347.9

**СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ «МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ СПОР»
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ:
КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

© 2019 г.

В.О. Пучков

ООО «Правопроцесс-Урал», Екатеринбург

puchkov_pravoproцесс@mail.ru

Поступила в редакцию 27.07.2018

Цель исследования состоит в теоретико-методологическом анализе основных концепций международного коммерческого спора в российском праве. Применялись общенаучные средства познания (гипотетико-дедуктивный, системный, диалектический, функциональный методы, анализ, аналогия, экстраполяция) и частнонаучные методы правоведения (формально-догматический, экзегетический, юрико-компаративный). Сделан вывод о том, что в концептуальном пространстве отечественной науки цивилистического процесса сформировались три концепции международного коммерческого спора: международно-правовая, процессуальная и коллизионно-правовая. В рамках международно-правовой концепции содержание категории «международный коммерческий спор» раскрывается в соответствии с нормами международных договоров России. Представители процессуальной концепции указывают, что квалификация спора, как носящего международный коммерческий характер, осуществляется исключительно на основе категориального аппарата процессуального законодательства. Коллизионно-правовая концепция исходит из того, что содержание категории «международный коммерческий спор» следует определять на основании норм права, которое подлежит применению к данному правоотношению. Формулируется авторское определение международного коммерческого спора.

Ключевые слова: юридическая наука, методология, научные понятия, цивилистический процесс, коллизионное регулирование, международный коммерческий спор, концепция.

Национальная экономика России на современном этапе ее развития характеризуется многообразием форм функционирования в ее системе иностранных коммерческих компаний и коммерсантов, основной из которых является коммерческая деятельность. Характеристика данных форм имеет важное значение применительно к отношениям процессуально-правового характера, так как определяет порядок судопроизводства, в рамках которого должен быть разрешен соответствующий спор (п. 2 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 9 декабря 2002 г. № 11) [1]. Вместе с тем, как отмечает Н.Ю. Ерпылева, в современном российском праве содержание категории «международный коммерческий спор» не раскрыто, что, безусловно, создает препятствия на пути судебной защиты прав и законных интересов участников внешнеэкономической деятельности [2, с. 554]. В связи с этим представляется актуальным проведение анализа основных подходов к раскрытию содержания данной категории в российском праве.

Прежде всего необходимо отметить, что современное процессуальное законодательство России не определяет содержания категории «коммерческий спор», но в то же время опери-

рует смежными понятиями. Так, в ст. 1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [3] (далее – АПК, Кодекс) устанавливается, что арбитражные суды России осуществляют правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности путем разрешения *экономических споров* (выделено мною. – В.П.). К числу таких споров, как достоверно усматривается из содержания п. 3, 5 ч. 6 ст. 27 и ст. 29 Кодекса, помимо споров между субъектами частных правоотношений, относятся и споры публичного характера (регистрационные, административные и др.). Системный анализ вышеназванных положений и норм ст. 28 АПК позволяет сделать вывод о том, что «экономический спор» является родовой категорией, а «международный коммерческий спор» – видовой, в связи с чем их отграничение друг от друга позволит верно определить вид и форму судопроизводства, необходимые для справедливого рассмотрения и разрешения дела.

По справедливому мнению А.М. Васильева, правовые категории сущностно представляют собой «познавательный образ правовых явлений и процессов» [4, с. 88]; в этом смысле методологическое значение категорий юридической науки состоит в том, чтобы «дать ответы на во-

просы, что такое право, кто, когда, как, в чьих интересах его использует» [4, с. 88]. Таким образом, категории правоповедения как понятийные формы юридического мышления¹ отражают сущность правовых явлений и выступают исходным методологическим средством их концептуализации. По этой причине любое явление правовой действительности, отраженное в предметном поле юриспруденции, может быть адекватно воспринято юридической наукой и практикой лишь в том случае, если его ключевые характеристики отражены в соответствующем правовом понятии. В этом смысле, по утверждению Р.О. Опалева, понятия науки цивилистического процесса выступают результатом обобщения правового опыта и играют роль теоретических абстракций, отражающих наиболее общие связи и отношения между процессуально-правовыми явлениями [7, с. 18–21].

В связи с изложенным, как представляется, процесс образования понятий цивилистического процесса представляет собой систему методологических средств, в основе которой лежит формально-догматический метод (юридическая интерпретация легальных определений), эмпирическое исследование (анализ подходов к определению понятия в судебной практике) и анализ правовой доктрины (научных подходов к определению понятий). Единство указанных методологических средств обусловлено самим предметом правоповедения, в качестве которого выступает *правовой концепт действительности*. По этой причине, по нашему мнению, определение понятия «международный коммерческий спор», имеющее первостепенное значение для настоящего исследования, должно основываться на системной интерпретации вышеперечисленных методологических средств. В этом смысле анализ нормативно-правовых актов, правоприменительной практики и актуальной правовой доктрины России позволил сформулировать три теоретико-методологические концепции международного коммерческого спора: международно-правовую, процессуальную и коллизионно-правовую.

1. Сторонники **международно-правовой концепции**, раскрывая содержание категории «международный коммерческий спор», исходят из положений международных договоров, регулирующих вопросы судопроизводства по гражданским и торговым делам (*civil and commercial matters*). Так, Н.Ю. Ерпылева, анализируя положения Брюссельской конвенции Европейского экономического союза о юрисдикции и приведении в исполнение решений по гражданским и торговым делам 1968 г. [8], указывает, что в контексте ее положений к числу международ-

ных коммерческих споров относятся «все гражданско-правовые споры частного характера» [9, с. 41]. Сходной позиции по данному вопросу придерживается и Г.К. Дмитриева; по мнению исследователя, международный коммерческий характер носят все споры, вытекающие из международного делового оборота между частными субъектами, которые могут быть квалифицированы в качестве таковых на основании Принципов УНИДРУА [10, с. 356]. По мнению М.П. Бардиной, квалификация спора с иностранным элементом как имеющего международный коммерческий характер должна осуществляться на основании норм международного права ввиду различного подхода правовых систем стран мира к определению соответствующего характера правоотношения [11, с. 12].

Безусловно, вышеприведенные позиции, отражающие сущность международно-правовой концепции международных коммерческих споров, являются обоснованными в формально-юридическом аспекте, поскольку приоритет международных договоров России над национальным законодательством закреплен в ч. 4 ст. 15 Конституции России [12]. В то же время необходимо отметить, что международно-правовые акты, оперируя категорией «гражданские и торговые дела», «коммерческая деятельность», «международные коммерческие споры» и т.д., не раскрывают их содержания или указывают лишь на некоторые их признаки. Так, в ст. 1 Соглашения стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» 1992 г. [13] (далее – Киевское соглашение) устанавливается, что к числу международных коммерческих споров относятся споры, вытекающие из договорных и иных гражданско-правовых отношений между хозяйствующими субъектами. Такое определение международного коммерческого спора как правового явления представляется слишком абстрактным, прежде всего в связи с тем, что оно не учитывает особенности гражданского правоотношения применительно к правовым системам стран СНГ. Дело в том, что современное гражданское право характеризуется сближением с отраслями публичного права (в первую очередь – административным) в части регулируемых им отношений. Так, примером подобного сближения является институт поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для публичных нужд (§ 4 гл. 30, § 5 гл. 37 Гражданского кодекса Российской Федерации [14] (далее – ГК)). При этом, как отметил Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации в Постановлении от 28 января 2014 г.

№ 11535/13 [15], такие отношения по своей природе являются не гражданско-правовыми, а публичными, что исключает применение к ним средств частноправового воздействия. Вместе с тем в п. 1 Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан от 14 декабря 2012 г. № 5 [16] подчеркивается, что отношения в сфере государственных закупок носят исключительно частноправовой характер. Таким образом, Киевское соглашение, оперируя категорией «гражданско-правовые отношения», не раскрывает ее содержание в международно-правовом аспекте. Это в свою очередь вызывает затруднения в ее применении на практике, в том числе и в рамках рассмотрения международных коммерческих споров судами стран СНГ, связанные с тем, что даже в этих государствах отсутствует единый подход к определению гражданских правоотношений и отграничению их от публично-правовых отношений.

Как следует из вышеизложенного, международно-правовая концепция международного коммерческого спора основывается на той концептуализации данного понятия, которая отражена в нормах международно-правовых актов. Такой подход обоснован с точки зрения конституционного принципа приоритета норм международного договора России над нормами национального законодательства (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации). Вместе с тем обращает на себя внимания тот факт, что соответствующая концепция характеризуется рядом неизбежных методологических дефектов.

Во-первых, ее положения основываются исключительно на позитивистском подходе, поскольку отражают лишь позитивно-правовое содержание норм международного права как элемента правовой действительности. В то же время ранее нами было подчеркнуто, что позитивное право выступает лишь как фрагмент правовой действительности, но не как правовая действительность *per se*. В этом смысле нормы международного права как часть отождествляются с содержанием правовой действительности как целого. Средневековый теолог И. Дунс Скот, рассматривая данную проблему в эпистемологической плоскости, подчеркивал, что первично свойственное целому не может быть первично свойственно части; целое определяет свойства части, задавая ей определенную функцию [17, с. 241]. Таким образом, с позиции философской герменевтики трактовка целого как держательного эквивалента части недопустима.

Во-вторых, анализ содержания международно-правовых актов, регулирующих вопросы международного гражданского процесса, свидетельствует о том, что соответствующие норма-

тивно-правовые акты не содержат дефиниции международного коммерческого спора как легального понятия. Так, ранее упомянутое Киевское соглашение относит к числу международных коммерческих споров те, которые вытекают из договорных и иных гражданско-правовых отношений между хозяйствующими субъектами. Однако концептуализация тех или иных отношений как имеющих гражданско-правовую природу вариативна и определяется специфическими особенностями конкретной правовой системы. В этом смысле те отношения, которые, к примеру, признаются в России публично-правовыми несмотря на наличие отдельных гражданско-правовых признаков (например, отношения в сфере государственных закупок), могут признаваться в иностранных государствах частноправовыми (так, к примеру, в праве Французской Республики уголовно-правовые отношения относятся к сфере частного права [18, с. 32]). Кроме того, подобный подход основан на методологических установках континентальной правовой традиции, для которой характерно разделение права на частное и публичное [19, с. 80–81]. В то же время деление права на частное и публичное отсутствует, к примеру, в англосаксонском праве [20, р. 753–757]; обосновывая такую специфику англосаксонской правовой системы, американский исследователь Р.Э. Барнет отмечает, что зачастую найти грань между частноправовым (т.е. тем, что основывается на реализации интересов невластных субъектов в их взаимных отношениях) и публично-правовым (т.е. тем, что основано на взаимодействии частного лица и властного субъекта) достаточно сложно [21, р. 268–270]. По словам данного автора, ярким примером частно-публичного института в американском праве служит институт соглашения о разделе продукции (*production sharing agreement*) [21, р. 272]. Кроме того, как отмечает исследователь, в случаях причинения вреда посредством преступления либо административного проступка также нельзя однозначно определить природу соответствующих отношений, связанных с возмещением (компенсацией) причиненного вреда [21, р. 272–273]. Вследствие этого четкое разграничение частного и публичного в англосаксонском праве отсутствует, что объективно ограничивает применение международно-правовой концепции международного коммерческого спора к отношениям с участием резидентов государств англосаксонской правовой традиции.

2. **Процессуальная концепция** международного коммерческого спора предполагает соответствующую квалификацию спорного правоотношения исходя из категориального аппа-

рата процессуального права. В частности, как указывает Т.Н. Нешатаева, вопросы квалификации спорного трансграничного правоотношения относятся к исключительной компетенции суда, регламентированной процессуальным законом, в связи с чем судебная квалификация правоотношения должна осуществляться с опорой на соответствующие процессуально-правовые нормы [22, с. 15]. К сходному выводу приходит В.Л. Толстых, по мнению которого процессуальным законом прямо установлена обязанность судов квалифицировать спорное правоотношение, опираясь исключительно на выработанные им критерии, принципы и терминологию [23, с. 26–27]. По мнению В.И. Беновой, тот факт, что между сторонами имеет место международный коммерческий спор, зависит не столько от характера правоотношения и применимого материального права, сколько от реализуемого вида судебного процесса и содержания адресованных суду норм процессуального закона, регламентирующих судебную квалификацию спорного правоотношения [24, с. 3].

Представляется, что вышеприведенные позиции российских исследователей являются верными лишь отчасти. Действительно, АПК в ст. 168 устанавливает обязанность арбитражного суда квалифицировать спорное правоотношение, но в то же время ст. 13 и 14 Кодекса указывают, что квалификация осуществляется судом с опорой на материальное право. Таким образом, для определения того, носит ли спор международный коммерческий характер, суд не может руководствоваться только категориальным аппаратом АПК. Подобный подход в условиях отсутствия в тексте АПК определения понятий «экономическая деятельность», «коммерческая деятельность» и т.д. может повлечь за собой отождествление родовых и видовых категорий права, подмену понятий и, как следствие, ошибку в правоприменении. Наглядным примером в данном случае является правовая позиция Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации, выраженная в Постановлении от 28 сентября 1994 г. № 33 по делу № 1219/9 [25], в соответствии с которой экономический и коммерческий спор являются не родовым и видовым понятием соответственно, а равнозначными категориями, что, безусловно, не является верным в методологическом аспекте [26, с. 13; 27, с. 54].

Вместе с тем необходимо отметить, что изначально в законодательстве России о коммерческом судопроизводстве была реализована именно процессуальная концепция международного коммерческого спора. Это выражалось в том, что процессуальный закон раскрывал

содержание категории «коммерческий спор», тем самым задавая необходимый вектор судебному правоприменению. Так, понятие коммерческого спора впервые было отражено в п. 1 ст. 40 Учреждения коммерческих судов и устава их судопроизводства 1832 г. [28] (далее – УКСУС), в силу которого коммерческим признавался «спор... по торговым оборотам, договорам и обязательствам словесным и письменным, торговле свойственным». Впоследствии в 1835 г. 2-е Общее собрание Правительствующего сената в постановлении № 1076 указало, что помимо споров, возникающих из договоров купли-продажи (т.е. «торговых оборотов»), к числу коммерческих относятся и все иные споры, вытекающие из отношений между компаниями и коммерсантами, в которые они вступили «с целью получить прибыль» [29]. Впоследствии, опираясь на норму п. 1 ст. 40 УКСУС и правовые позиции Сената, выдающиеся российские процессуалисты Е.В. Васьковский и А.Х. Гольмстен отмечали, что коммерческий спор приобрел международный характер в случаях, если одной из сторон являлось иностранное лицо, а также если юридический факт – основание иска имел место за рубежом, или если правоотношения сторон были подчинены иностранному праву по иному основанию [30, с. 245; 31, с. 23–24].

В связи с изложенным следует подчеркнуть, что определение характера спора в процессуальном смысле производно от его материально-правовой специфики. В этом смысле, по справедливому утверждению Ю.К. Осипова, именно материальное, а не процессуальное право служит основной предпосылкой для определения характера спора (в первую очередь – в аспекте вопросов подведомственности и подсудности) [32, с. 15]. В процессуальную форму, таким образом, облакаются уже сложившиеся отношения между сторонами судебного процесса, и изначальная природа таких отношений, их содержание имеют «допроцессуальный» характер. Соответственно, в этом смысле судебное производство как форма не должна подменять существо спорного правоотношения как содержание. Здесь диалектика соотношения содержания и формы состоит именно в том, что содержание (т.е. исходное материальное правоотношение) опосредует форму (т.е. вид и особенности судебного производства); обратная ситуация, при которой форма опосредует содержание, видится в связи с этим методологически недопустимой.

Кроме того, процессуальная концепция международного коммерческого спора, так же как и международно-правовая, базируется на позитивистском подходе, методологические недостат-

ки которого были уже ранее отмечены. Фундаментальный недостаток позитивистской интерпретации правовых понятий состоит в том, что не все они определяются в тексте закона. Таким, в частности, выступает юридическое понятие «спор»: действующее процессуальное законодательство, оперируя термином «спор», в то же время не раскрывает содержания обозначаемого им понятия.

В связи с этим следует отметить, что процессуальная концепция международного коммерческого спора характеризуется наличием ряда существенных недостатков и в этом смысле не может выступать как парадигмальное понятие международного гражданского процесса.

3. Представители **коллизивно-правовой концепции** международного коммерческого спора, определяя содержание данной категории применительно к вопросам гражданского судопроизводства, указывают на необходимость квалификации спорного правоотношения на основании положений применимого права. Данный подход обоснован тем, что арбитражное процессуальное законодательство России не содержит дублирующей терминологии по отношению к материальному закону, в связи с чем содержание категории «экономический спор», «предпринимательская деятельность» и т.д. должно раскрываться на основании соответствующих положений материального права конкретного государства, подлежащего применению [33, с. 69]. При этом применительно к правоотношениям по рассмотрению арбитражным судом России международного спора его характеристика как международного и коммерческого должна осуществляться на основании права, подлежащего применению (ст. 1187 ГК [34]). Так, обосновывая данную позицию, дореволюционный российский юрист Т.М. Яблочков отмечал, что, применяя иностранный закон, суд должен установить, как именно спорное правоотношение «воспринимается туземным правом», так как именно на основе иностранного материального права должна осуществляться квалификация отношений сторон, согласно общим правилам коллизивного регулирования [35, с. 64–65]. К сходному выводу приходит Л.А. Лунц: «Отсылка коллизивной нормы к иностранной системе права, к иностранной правовой системе, – отмечает автор, – требует применения этой нормы так, как она применяется у себя на родине» [36, с. 360]. Точку зрения Т.М. Яблочкова и Л.А. Лунца разделяет М.М. Агарков, который указывает, что «отношение суда к вопросу о существовании и применении закона и к установлению фактических обстоятельств дела» должно соответствовать

тому отношению, которое реализуется в государстве, право которого подлежит применению [37, с. 66].

Следовательно, сущность коллизивно-правовой концепции международного коммерческого спора заключается в том, что квалификация спора как имеющего международный коммерческий характер осуществляется на основании материального права той страны, право которой подлежит применению для разрешения данного дела. Следует отметить, что данная концепция является наиболее распространенной в мировой практике. Так, палата лордов Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в постановлении по делу *State of Norway's Application* [38] указала, что общепринятого понятия «международный коммерческий спор» не существует. В связи с этим соответствующая квалификация правоотношения судом должна осуществляться на основании права, подлежащего применению, и той трактовки соответствующей категории, которая реализуется в правовой доктрине данного государства. Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации в Информационном письме от 9 июля 2013 г. № 158 [39] предписывает арбитражным судам России придерживаться сходного подхода. Верховный суд США в постановлении по делу *Klaxon Co. v. Stentor Electric Mfg. Co.* [40] также указал, что федеральный суд, определяя характер спора на стадии предварительного изучения обращения, должен опираться при этом на нормы иностранного права, подлежащего применению. Поэтому, даже если спор будет носить иной характер по праву США и в связи с этим должна измениться подведомственность и подсудность спора, компетенция суда по рассмотрению данной категории споров будет определяться на основании иностранного закона [41, р. 654].

Подобный подход представляется вполне обоснованным, поскольку в международном гражданском процессе, как особой системе общественных отношений по рассмотрению гражданских дел, осложненных иностранным элементом, ключевую роль играют коллизивные нормы, санкционирующие применение судом иностранного права. Так, ч. 1 и 2 ст. 399 и ч. 1 ст. 400 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [42] регламентируют, что гражданская процессуальная правосубъектность иностранных лиц определяется их личным законом. Как отмечает В.Л. Толстых, в этой связи российский суд, в котором происходит разбирательство дела, обязан «допустить» в отечественную правовую систему ряд определенных элементов из той правовой системы,

которая выступает личным законом иностранного лица [23, с. 18]. Такое явление, как пишет Л. Дырда, представляет собой конвергенцию правовых систем, которая проявляется во включении элементов факультативной правовой системы (т.е. той, положения которой применяются при разрешении дела) в основную (т.е. ту, где происходит рассмотрение и разрешение спора) посредством юрисдикционной деятельности по рассмотрению трансграничного спора [43, р. 90]. Эта конвергенция, составляющая ядро международных гражданских процессуальных отношений, является ключевым фактором квалификации рассматриваемого спора как международного и коммерческого.

Стоит отметить, что подобный подход нашел свое отражение в иностранной правовой доктрине и судебной практике. Так, Ф. Кирико и П. Ларуше пишут: «Международное гражданское судопроизводство основано на взаимодействии правовых систем, которые в совокупности образуют правовую действительность и которые (посредством международного нормотворчества или санкционирования) находятся в отношениях конвергенции» [44, р. 21]. Авторы при этом подчеркивают, что центральным звеном, обеспечивающим такую конвергенцию, является суд (национальный или международный), в котором рассматривается дело [44, р. 22]. Схожего мнения придерживается и французский исследователь Ж.-Б. Оби, который подчеркивает: «Та исходная правовая система, в которой действует суд при разрешении трансграничного спора, неизбежно взаимодействует с той правовой системой, элементы которой должны перейти в исходную: это нормы иностранного права, процессуальное положение участника дела, доказательства... Обе эти системы в совокупности с многими другими составляют то, что мы называем правовой действительностью» [45, р. 103]. При этом под правовой действительностью (*legal reality*) исследователь понимает не только правовую систему в позитивном смысле, но и «правовые отношения, правовое поведение, осмысление права и его реализацию в актах судов и арбитражей» [45, р. 102–103]. Процессуальная конвергенция правовых систем, как сущностная черта международного гражданско-процессуального права, нашла свое отражение в прецедентной практике Суда Европейского союза. Интерес в данном аспекте представляет известное дело *Tobacco Advertising* [46], решение по которому было вынесено Судом ЕС 5 октября 2000 г. В данном деле вопрос касался выявления смысла, заложенного в положениях ст. 114 Договора о функционировании Европейского союза [47],

согласно которой Европейский парламент и Совет принимают меры по гармонизации законодательства государств-участников. Определяя смысл данной международно-правовой нормы, Суд ЕС отметил, что такая гармонизация невозможна только применительно к законодательству в отрыве от правовой действительности в целом, то есть «самого действующего права, юридической науки, социально-экономических различий, общественно-правовой практики».

Таким образом, в условиях конвергенции правовых систем в рамках судебного рассмотрения международных коммерческих споров квалификация спорного правоотношения должна осуществляться по законам того государства, право которого подлежит применению. Соответственно, если по применимому иностранному праву рассматриваемый спор признается имеющим международный коммерческий характер, то в этой связи компетентный суд должен учитывать процессуальные особенности рассмотрения такой категории дел.

Таким образом, коллизивно-правовая концепция международного коммерческого спора отражает в своих положениях сущностные черты международного гражданского процесса и в связи с этим соответствует методологическим основаниям соответствующей процессуальной деятельности. Вместе с тем в положениях данной концепции усматривается существенная проблема международного частного права – проблема предварительного (побочного) коллизивного вопроса. Оставляя за рамками настоящего исследования проблемы содержания предварительного коллизивного вопроса², отметим, что в нашем понимании предварительный коллизивный вопрос представляет собой объективный гносеологический дефект судебного правоприменения, при котором суд, прежде чем определить право, применимое к спорному правоотношению на основании национальных коллизивных норм, квалифицирует его, руководствуясь при этом *lex fori*. Иными словами, рассматривая спор из трансграничного коммерческого договора, суд, чтобы определить применимое к данному отношению право, должен квалифицировать договор; однако, определяя характер договора, суд при этом следует установкам национальной правовой методологии, что тем самым может в некоторых случаях нивелировать объективный характер исходного материального правоотношения³. Подобная ситуация, кроме того, может быть осложнена, к примеру, случаями расщепления обязательственного статута, возникновения так называемых «хромающих коллизий» и проч. В этой связи реализация коллизивно-правовой концепции

международного коммерческого спора объективно затрудняется неизбежными дефектами судебного правоопознания.

Рассмотренные нами отечественные концепции международного коммерческого спора не дают, таким образом, исчерпывающего ответа на вопрос о его сущности и категориальном содержании. В этой связи важно отметить, что в самом термине «международный коммерческий спор» системообразующей дискурсивной единицей выступает категория «спор», а термины «международный» и «коммерческий» играют роль ее атрибутивных характеристик. Подчеркнем, что процессуальное законодательство России не содержит определения понятия «спор», в связи с чем, по утверждению Р.О. Опалева, соответствующее понятие следует признать оценочным [7, с. 46–47]. Следует отметить, что в правовой системе России действует по крайней мере один нормативно-правовой акт, раскрывающий в своем предметно-регулятивном поле содержание легального понятия «спор», – Трудовой кодекс Российской Федерации [52] (далее – ТК). Так, в ч. 1 ст. 381 ТК содержится следующее определение понятия «индивидуальный трудовой спор»: это «неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права... о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров». Такая трактовка понятия «спор» в сфере трудового права представляется не вполне точной; в частности, представляется избыточным указание на неурегулированность разногласий между работником и работодателем (поскольку в ином случае спора как такового не было бы). Следуя методологическим установкам вышеприведенного нормативного положения ТК, можно сделать вывод, что для целей конструирования правового понятия «спор» следует учитывать две его существенные характеристики: наличие разногласий (т.е. отрицание сторонами законности и обоснованности взаимных притязаний на что-либо) и обращение за его урегулированием в юрисдикционный орган (суд, арбитраж и др.). В этом смысле юридический спор, как отмечает М.Ю. Розова, представляет собой облеченное в процессуальную форму материальное правоотношение, находящееся в неопределенном состоянии вследствие его нарушения или оспаривания [53, с. 47–49].

Полагаем, что применительно к предметной области настоящего исследования с учетом подчеркнутой ранее специфики гражданского права России необходимо исходить из того, что международный коммерческий спор как разно-

видность юридического спора *per se* не должен включать в себя публичный элемент. Иными словами, участники соответствующего правоотношения, по выражению выдающегося советского цивилиста О.С. Иоффе, не должны иметь «функцию веления, получая лишь возможность предъявления определенного материально-правового притязания» [54, с. 39]. Это, безусловно, не означает, что стороной международного коммерческого спора не могут быть публичные субъекты, так как на возможность их участия в частноправовых отношениях указывает ст. 124 ГК [55]. Ключевыми критериями для квалификации спора как имеющего международный коммерческий характер, таким образом, должно быть наличие «международного» элемента в правоотношении в форме субъекта, объекта либо юридического факта, наличие коммерческого (предпринимательского) интереса у обеих сторон, а также диспозитивный характер отношений сторон, который не должен быть основан на власти одного участника над другим и не должен затрагивать публичный интерес. При этом диспозитивность должна носить не только юридический, но и фактический характер.

Таким образом, под **международным коммерческим спором** предлагается понимать оформленное в виде взаимных притязаний разногласие между юридически равными субъектами частноправового отношения с иностранным элементом, основанное на столкновении их коммерческих (предпринимательских) интересов и не затрагивающее интересы публичного характера (в том числе коллективные интересы)⁴. Такие споры, в связи с этим, рассматриваются по общим правилам искового производства с учетом специфики международных коммерческих споров как явления процессуально-правовой действительности.

Примечания

1. Отметим, что современная философско-методологическая доктрина характеризуется вариативностью подходов к определению отношений между понятием и категорией: от их различения (см.: [5, с. 124]) до отождествления (см.: [6, с. 45 и след.]). Оставляя за предметными рамками настоящего исследования вопросы методологического соотношения понятий и категорий, подчеркнем, что в реферируемой работе соответствующие термины используются без строгого различия.

2. Так, по мнению ряда авторов, предварительный коллизионный вопрос представляет собой явление, при котором квалификации основного правоотношения должна предшествовать квалификация так называемого «предварительного» правоотношения, опосредующего содержание основного. Так, к при-

меру, рассматривая спор из трансграничного договора, суд, прежде чем квалифицировать договор, разрешает вопрос о выборе применимого права к доверенности, на основании которой действовал представитель стороны исходного материального правоотношения. При этом разрешение этого «предварительного» вопроса опосредует дальнейшее определение прав и обязанностей сторон. Об этом см. подробнее: [48, с. 5; 49, с. 21–22; 50, с. 199; 51, с. 230 и след.]

3. В этом смысле суд при квалификации правоотношения следует гносеологическим установкам национальных правовых конструкций, под содержание которых может не подпадать исходное материальное правоотношение.

4. О понятии международного коммерческого спора см. также: [56, с. 5; 57, с. 68–69].

Список литературы

1. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВАС РФ от 9 декабря 2002 г. № 11 // ВВАС РФ. 2003 г. № 2.
2. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право: Учебник для вузов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 29 июля 2002 г. № 30. Ст. 3012.
4. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976.
5. Нигматдинов Р.М. Проблема правовых понятий и оценочных категорий в гражданском процессуальном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
6. Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 2002.
7. Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М.: Волтерс Клувер, 2008.
8. Convention on Jurisdiction and the Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters, adopted at Brussels on September 27, 1968 // O.J.E.C. L. 299/32.
9. Ерпылева Н.Ю. Судебное рассмотрение международных коммерческих споров (некоторые аспекты международного гражданского процесса) // Законодательство и экономика. 1996. № 21–22.
10. Ануфриева Л.П., Бякишев К.А., Дмитриева Г.К. и др. Международное частное право: Учебник / Отв. ред. Г.К. Дмитриева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2013.
11. Бардина М.П. Основание применения Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА при разрешении международных коммерческих споров по существу спора // Актуальные правовые аспекты современной практики международного торгового оборота / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. А.С. Комарова. М.: Статут, 2016.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
13. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 29 января 1996 г. № 5. Ст. 410.
15. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 11535/13 // ВВАС РФ. 2014 г. № 6.
16. О применении судами законодательства о государственных закупках: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 14 декабря 2012 г. № 5 // Казахстанская правда. 2013. 5 января.
17. Дунс Скотт И. Reportatio IV (фрагмент) // Методология науки: исследовательские программы / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. С.С. Неретина. М.: ИФ РАН, 2007.
18. Газье А., Талапина Э.В. Публичное право Франции и России: пересечения и параллели // Правоведение. 2003. № 3 (248).
19. Михайлов А.М. Проблема деления права на частное и публичное: мифы и реальность // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. № 1.
20. Glendon M.A., Gordon M.W., Osakwe Ch. Comparative Legal Traditions. Text, Materials, and Cases on the Civil and Common Law Traditions, With Special Reference to French, German, English. 2nd ed. Minnesota: West Group Publishers, 1994.
21. Barnett R.E. Four Senses of the Public Law – Private Law Distinction: Foreword to the Symposium on the Limits of Public Law // Harvard Journal of Law & Public Policy. 1986. № 9.
22. Нешатаева Т.Н. Международный гражданский процесс. М.: Дело, 2001.
23. Толстых В.Л. Нормы иностранного права в международном частном праве России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
24. Бенова В.И. Медиация как способ разрешения международных коммерческих споров: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
25. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 сентября 1994 г. № 33 по делу № 1219/9 // ВВАС РФ. 1995. № 2.
26. Теоретические проблемы хозяйственного права / Под ред. В.В. Лаптева. М.: Наука, 1975.
27. Курс экономической теории / Под общ. ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Кисилевой. Киров: Асса, 2005.
28. Учреждение коммерческих судов и устав их судопроизводства // ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. VII. 1832. № 5 053–5 876.
29. Постановление 2-го Общего Собрания Правительствующего Сената № 1076 (1835 г.) // Практика бывшего 4-го и Судебного департаментов, а также 2-го Общего Правительствующего Сената Собрания и Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената по торговым делам. СПб.: Издание книжного юридического магазина Ив. Ив. Зубкова, 1854. № 6–7.

30. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1917.
31. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. Издание пятое, исправленное и дополненное. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913.
32. Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1974.
33. Курочкин С.А. Основные начала частного и публичного права в гражданском процессе // Правоведение. 2011. № 1 (294).
34. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 3 декабря 2001 г. № 49. Ст. 4552.
35. Яблочков Т.М. Труды по международному частному праву. М.: Статут, 2009.
36. Лунц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть. М.: Юрид. лит., 1973.
37. Агарков М.М. Применение советским судом иностранного закона // Проблемы социалистического права. 1938. № 3.
38. State of Norway's Application [1989] 2 W.L.R. 458 (H.L.).
39. Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 158 // ВВАС РФ. 2013. № 9.
40. Klaxon Co. v. Stentor Electric Mfg. Co., 313 U.S. 487 (1941).
41. State Court Interpretation of Foreign Law: A Guide for the Federal Courts // University of Chicago Law Review. 1959, Vol. 26. Iss. 4.
42. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
43. Dyrda L. Jurisdiction in Civil and Commercial Matters under the Regulation No 1215/2012 – Between Common Grounds of Jurisdiction and Divergent National Rules // The Interaction of National Legal Systems: Convergence or Divergence: Conference Papers. Vilnius, 2013.
44. Chirico F., Larouche P. Convergence and Divergence, in Law and Economics and Comparative Law. Hague: Springer, 2013.
45. Auby J.-B. Globalization, Law and State. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2017.
46. Case C-376/98, Germany v. Parliament [2000] ECR I-8419.
47. Treaty on the Functioning of the European Union // O.J. C. 115/47, 2008.
48. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М.: М-Логос, 2017.
49. Джимбеева Д.В. Обязательства из неосновательного обогащения в коллизионном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
50. Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2008.
51. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
52. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 7 января 2002 г. № 1 (часть I). Ст. 3.
53. Розова М.Ю. Обращение за судебной защитой по советскому гражданскому процессуальному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1983.
54. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды. Том I. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013.
55. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 5 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301.
56. Курочкин С.А. Теоретико-правовые основы третейского разбирательства в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2004.
57. Русакова Е.П. Многообразие способов разрешения торговых споров как фактор эффективности деятельности международного коммерческого арбитража в России и Англии // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 1.

THE CONTENT OF THE CATEGORY «INTERNATIONAL COMMERCIAL DISPUTE» IN RUSSIAN LAW: A CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

V.O. Puchkov

The purpose of the paper is to theoretically and methodologically analyze the main concepts of an international commercial dispute in Russian law. According to the results of the study, it was concluded that in the conceptual space of the civil process science in Russia, three concepts of an international commercial dispute were formed. Within the framework of the international legal concept, the content of the category «international commercial dispute» is treated in accordance with the norms of international treaties of Russia. Representatives of the procedural concept indicate that the qualification of a dispute as having an international commercial nature is carried out exclusively on the basis of the categorical framework of procedural legislation. The concept of conflict law is based on the fact that the content of the category «international commercial dispute» should be determined on the basis of the rules of law that are to be applied to this legal relationship. The author's definition of an international commercial dispute is formulated.

Keywords: legal science, methodology, scientific concepts, civil process, conflict regulation, international commercial dispute, concept.

References

1. O nekotoryh voprosah, svyazannyh s vvedeniem v dejstvie Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 9 dekabrya 2002 g. № 11 // VVAS RF. 2003 g. № 2.
2. Erpyleva N.Yu. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Uchebnik dlya vuzov. M.: Izd. dom Vysšej shkoly ehkonomiki, 2015.
3. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF ot 29 iyulya 2002 g. № 30. St. 3012.
4. Vasil'ev A.M. Pravovye kategorii: metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij teorii prava. M.: Yuridicheskaya literatura, 1976.
5. Nigmatdinov R.M. Problema pravovyh ponyatij i ocenonyh kategorij v grazhdanskom processual'nom prave: Dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2004.
6. Abushenko D.B. Sudebnoe usmotrenie v grazhdanskom i arbitrazhnom processe. M.: Norma, 2002.
7. Opalev R.O. Ocenochnye ponyatiya v arbitrazhnom i grazhdanskom processual'nom prave. M.: Volters Kluver, 2008.
8. Convention on Jurisdiction and the Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters, adopted at Brussels on September 27, 1968 // O.J.E.C. L. 299/32.
9. Erpyleva N.Yu. Sudebnoe rassmotrenie mezhdunarodnyh kommercheskih sporov (nekotorye aspekty mezhdunarodnogo grazhdanskogo processa) // Zakonodatel'stvo i ehkonomika. 1996. № 21–22.
10. Anufrieva L.P., Byakishev K.A., Dmitrieva G.K. i dr. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Uchebnik / Otv. red. G.K. Dmitrieva. 5-e izd., pererab. i dop. M.: TK Velbi, Izd-vo «Prospekt», 2013.
11. Bardina M.P. Osnovanie primeneniya Principov mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov UNIDRUA pri razreshenii mezhdunarodnyh kommercheskih sporov po sushchestvu spora // Aktual'nye pravovye aspekty sovremennoj praktiki mezhdunarodnogo torgovogo oborota / Pod obshch. red. dokt. jurid. nauk, prof. A.S. Komarova. M.: Statut, 2016.
12. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda) // Rossijskaya gazeta. 1993. 25 dekabrya.
13. Soglasenie o poryadke razresheniya sporov, svyazannyh s osushchestvleniem hozyajstvennoj deyatelnosti (Kiev, 20 marta 1992 g.) // Informacionnyj vestnik Soveta glav gosudarstv i Soveta glav pravitel'stv SNG «Sodruzhestvo». 1992. № 4.
14. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: chast' vtoraya ot 26 yanvarya 1996 g. № 14-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF ot 29 yanvarya 1996 g. № 5. St. 410.
15. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 yanvarya 2014 g. № 11535/13 // VVAS RF. 2014 g. № 6.
16. O primenenii sudami zakonodatel'stva o gosudarstvennyh zakupkah: Normativnoe postanovlenie Verhovnogo Suda Respubliki Kazahstan ot 14 dekabrya 2012 g. № 5 // Kazahstanskaya pravda. 2013. 5 yanvarya.
17. Duns Skot I. Reportatio IV (fragment) // Metodologiya nauki: issledovatel'skie programmy / Ros. akad. nauk, In-t filosofii; Otv. red. S.S. Neretina. M.: IF RAN, 2007.
18. Gaz'e A., Talapina Eh.V. Publichnoe pravo Francii i Rossii: peresecheniya i paralleli // Pravovedenie. 2003. № 3 (248).
19. Mihajlov A.M. Problema deleniya prava na chastnoe i publichnoe: mify i real'nost' // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2015. № 1.
20. Glendon M.A., Gordon M.W., Osakwe Ch. Comparative Legal Traditions. Text, Materials, and Cases on the Civil and Common Law Traditions, With Special Reference to French, German, English. 2nd ed. Minnesota: West Group Publishers, 1994.
21. Barnett R.E. Four Senses of the Public Law – Private Law Distinction: Foreword to the Symposium on the Limits of Public Law // Harvard Journal of Law & Public Policy. 1986. № 9.
22. Neshataeva T.N. Mezhdunarodnyj grazhdanskij process. M.: Delo, 2001.
23. Tolstyh V.L. Normy inostrannogo prava v mezhdunarodnom chastnom prave Rossii: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2006.
24. Benova V.I. Mediacya kak sposob razresheniya mezhdunarodnyh kommercheskih sporov: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2013.
25. Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 sentyabrya 1994 g. № 33 po delu № 1219/9 // VVAS RF. 1995. № 2.
26. Teoreticheskie problemy hozyajstvennogo prava / Pod red. V.V. Lapteva. M.: Nauka, 1975.
27. Kurs ehkonomicheskoy teorii / Pod obshch. red. M.N. Chepurina, E.A. Kisilevoj. Kirov: Assa, 2005.
28. Uchrezhdenie kommercheskih sudov i ustav ih sudoproizvodstva // PSZ RI. Sobranie vtoroe. T. VII. 1832. № 5 053–5 876.
29. Postanovlenie 2-go Obshchego Sobraniya Pravitel'stvuyushchego Senata № 1076 (1835 g.) // Praktika byvshego 4-go i Sudebnogo departamentov, a takzhe 2-go Obshchego Pravitel'stvuyushchego Senata Sobraniya i Grazhdanskogo Kassacionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego Senata po torgovym delam. SPb.: Izdanie knizhnogo yuridicheskogo magazina Iv. Iv. Zubkova, 1854. № 6–7.
30. Vas'kovskij E.V. Uchebnik grazhdanskogo processa. M.: Izd. Br. Bashmakovyh, 1917.
31. Gol'msten A.H. Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva. Izdanie pyatoe, ispravlennoe i dopolnennoe. SPb.: Tipografiya M. Merkusheva, 1913.
32. Osipov Yu.K. Podvedomstvennost' yuridicheskikh del: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Sverdlovsk, 1974.
33. Kurochkin S.A. Osnovnye nachala chastnogo i publichnogo prava v grazhdanskom processe // Pravovedenie. 2011. № 1 (294).
34. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: chast' tret'ya ot 26 noyabrya 2001 g. № 146-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF ot 3 dekabrya 2001 g. № 49. St. 4552.
35. Yablochkov T.M. Trudy po mezhdunarodnomu chastnomu pravu. M.: Statut, 2009.
36. Lunc L.A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava. Obshchaya chast'. M.: Yurid. lit., 1973.
37. Agarkov M.M. Primenenie sovetskim sudom inostrannogo zakona // Problemy socialisticheskogo prava. 1938. № 3.
38. State of Norway's Application [1989] 2 W.L.R. 458 (H.L.).

39. Obzor sudebnoj praktiki po nekotorym vo-prosam, svyazannym s rassmotreniem arbitrazhnymi sudami del s uchastiem inostrannyh lic: Informacionnoe pis'mo Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 9 iyulya 2013 g. № 158 // VVAS RF. 2013. № 9.
40. Klaxon Co. v. Stentor Electric Mfg. Co., 313 U.S. 487 (1941).
41. State Court Interpretation of Foreign Law: A Guide for the Federal Courts // University of Chicago Law Review. 1959, Vol. 26. Iss. 4.
42. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
43. Dyrda L. Jurisdiction in Civil and Commercial Matters under the Regulation No 1215/2012 – Between Common Grounds of Jurisdiction and Divergent National Rules // The Interaction of National Legal Systems: Convergence or Divergence: Conference Papers. Vilnius, 2013.
44. Chirico F., Larouche P. Convergence and Divergence, in Law and Economics and Comparative Law. Hague: Springer, 2013.
45. Auby J.-B. Globalization, Law and State. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2017.
46. Case C-376/98, Germany v. Parliament [2000] ECR I-8419.
47. Treaty on the Functioning of the European Union // O.J. C. 115/47, 2008.
48. Asoskov A.V. Osnovy kollizionnogo prava. M.: M-Logos, 2017.
49. Dzhimbeeva D.V. Obyazatel'stva iz neosnovatel'nogo obogashcheniya v kollizionnom prave: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2017.
50. Kanashevskij V.A. Vneshneekonomicheskie sdelki: material'no-pravovoe i kollizionnoe regulirovanie. M.: Volters Kluver, 2008.
51. Tolstyh V.L. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: kollizionnoe regulirovanie. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskij centr Press», 2004.
52. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrja 2001 g. № 197-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF ot 7 yanvarja 2002 g. № 1 (chast' I). St. 3.
53. Rozova M.Yu. Obrashchenie za sudebnoj zashchitoj po sovetскому grazhdanskomu processual'nomu pravu: Dis. ... kand. jurid. nauk. Sverdlovsk, 1983.
54. Ioffe O.S. Pravootnoshenie po sovetскому grazhdanskomu pravu // Izbrannye trudy. Tom I. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2013.
55. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: chast' pervaya ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF ot 5 dekabrja 1994 g. № 32. St. 3301.
56. Kurochkin S.A. Teoretiko-pravovye osnovy tretjanskogo razbiratel'stva v Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg: Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2004.
57. Rusakova E.P. Mnogoobrazie sposobov razresheniya torgovyh sporov kak faktor ehffektivnosti deyatel'nosti mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha v Rossii i Anglii // Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2009. № 1.